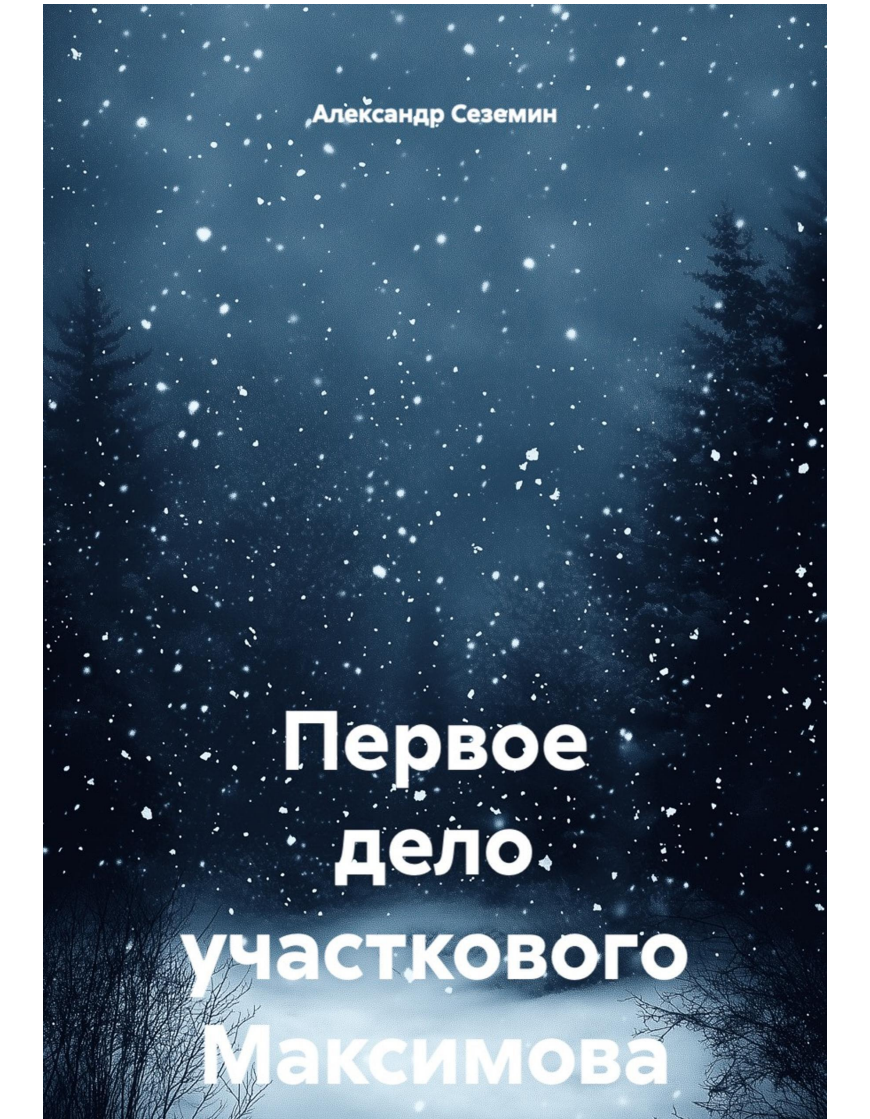

Александр Сеземин

**Первое
дело
участкового
Максимова**

Александр Сеземин

Первое дело

участкового Максимова

<https://litres.ru/74534258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старшина Максимов после окончания школы милиции получает назначение в районный отдел, расположенный в одной из Уральских областей. Населенные пункты разбросаны по тайге на большой территории, куда можно добраться только на конной тяге. В одной из деревень происходят довольно странные и трагические события.

Максимову поручают расследование. Раскрыть преступление, задержать преступников и восстановить справедливость - задача молодого участкового.

Справится? Об этом повесть.

Содержание

1 Глава. Не натаптывай дорожку на кладбище.	4
2 Глава. Убийство в таежной деревне.	13
3 Глава. Раскрытие одного убийства и предотвращение второго.	22
4 Глава. Розыск и задержание преступников в таежной деревне.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Сеземин

Первое дело

участкового Максимова

1 Глава. Не натаптывай дорожку на кладбище.

Варвара Петровна вышла замуж уже в возрасте, да еще перед самой войной. Ребеночка родить не успела, муж ушел воевать и пропал. Так и не получила от него ни одного письма, и извещения никакого не пришло. Годы лихолетья в деревне сумели пережить, а мужиков домой вернулось мало. В Полозово их было всего два - Петр на одной ноге, и Савелий однорукий. Инвалиды, неинвалиды, а работать пришлось как здоровым, в том числе и на женском фронте.

Мальчик родился у Варвары Петровны слабеньким, бледненьким. "Не жилец," - сказали в деревне. "И зачем я решилась? - Корила себя мама, вздыхая. - Опоздала я. Да захотелось утешения к старости. Но ничего, выхожу своего Ванюшу."

И Ваня рос вопреки злым языкам, впрочем как и вся ребячья братия, где через одного были родственниками по от-

цам. Только до этого конечно никому дела не было, население требовало скорейшего восполнения. В школе учились недолго и начинали работать в колхозе. Ваня любил животных и стал подпаском у деда Федора, пастуха. Дед, не имея никакой родни, слыл нелюдимым и молчаливым, но к Ване старался быть добрым,

Лет с двенадцати Ваня пас коров уже один, дед Федор стал тяжел на ноги, круглый год не снимал валенок и больше сидел у своего домишки на завалинке, грелся на солнце. Так и умер он тихо, как уснул и не проснулся больше. А Ване, хотя деда и жалко было, даже стало проще и легче одному. И вот, как-то уже в осень, на дальнем лужке Ване померещился дед Федор.

Стоял он на опушке леса у облетевшей осины, опершись на свою палку, и смотрел на Ваню внимательно. Если бы не взгляд деда, то мальчик мог и не заметить старика. А заметив, Ваня конечно испугался, ноги задрожали, но не подогнулись, а сами пошли к деду. Правда мальчик шел медленно и не сводил взгляда с Федора. Хотел окликнуть его, но не смог, язык словно враз прилип к пересохшему небу.

Чем ближе подходил Ваня к деду, тем видел его все лучше, даже стал различать улыбку на лице, чего раньше никогда не было. Федор вообще не улыбался, наверное просто не умел. Но дальше для Вани случилось непонятное. Мальчик моргнул и провел по глазам рукой, наверное мошка попала. А когда глаза открылись, то никого под осиной уже не было.

- Деда! - Дрожащим голосом тихо позвал Ваня.

Только никто конечно не отозвался. А когда испуганный мальчик все же дошел до опушки, то заметил рядом с осиной кривую корягу. Словно согбенный человек стоял, опираясь на палку. "Показалось," - прошептал мальчик. И в это время на поле промывчала одна из коров, окончательно прогоняя наваждение. Ваня побыстрее побежал к стаду, правда холодок или взгляд на спине чувствовал, несколько раз оборачивался, но видел только корягу.

На следующий день Ваня пошел на деревенское кладбище и нашел свежий холмик с деревянным крестом, могилку деда Федора. Зачем он это сделал, и сам не знал, постоял рядом, вспомнил деда добрым словом и вернулся обратно.

- Ты куда ходил? - Спросила его мама.

- На кладбище, - честно ответил Ваня. - Деда Федора проведать.- Правда сын не сказал, что до этого видел умершего на опушке леса.

- Скучаешь по нему?

- Не знаю, - Ваня неопределенно пожал плечами. - Так, как-то...

- Говорят, не надо туда часто ходить, - пояснила мама. - Не натаптывай дорожку на кладбище.

- Почему? - не понял сын.

- Говорят, и все тут. - Мать не знала, как объяснить.- На кладбище на Радоницу ходят, раз в год. - У Варвары Петровны были свои понятия на этот счет.

- Ладно, не буду. - Согласился сын, и действительно больше не ходил на погост, а случай с видением на опушке сам собой забылся.

Прошло несколько лет, и Варвара Петровна умерла, подкосила ее война и тяжелая работа. Ваня остался один и погоревал конечно. Но жизнь шла своим чередом, особо расстраиваться было некогда. Уход из жизни считался обычным делом, особенно в тяжелое время. И Ваня опять начал ходить на кладбище, помня конечно о словах матери, но ничего поделать с собой не мог. Тянуло парня в это тихое и спокойное место. Так он воспринимал погост.

- Паря, не топчи себе дорогу на кладбище, - предупреждали Ваню в деревне жители.

Тот молча кивал головой, вроде как соглашался, но продолжал ходить. И действительно натоптал вполне видимую тропинку к могилам деда Федора и мамы. У могилы мамы Ваня даже соорудил нечто вроде скамеечки и сидел подолгу.

- Дышится как здесь хорошо, - шептал парень. - Не тревожься за меня мама, все у меня хорошо, спи спокойно. - А потом начинал вспоминать разные мелочи из деревенской жизни, как он считал, интересные маме. - Зорька захромала, за ветеринаром послали. У Звездочки телок родился больший, бодается. Сено в двух стожках подгнило, осенью плохо просушили. Родник у Крутой горы пересох. Евсей шуку такую поймал, что в лунку не пролезла. Долбили, леска порвалась, так и ушла шука. - Могила деда Федора была

недалеко от материной. Поэтому Ваня в полной уверенности полагал, что и он слышит.

К такой странности Вани в деревне привыкли и больше не обращали внимания, а про натоптанную дорожку все же поминали, - видать Ваньша наш туда собрался. Но ему виднее, - и кивали неопределенно вверх. Вообще в бога не верили, помнили какие-то праздники, - рождество, пасху, давно ставшие народными. На пасху конечно красили яйца в луковой шелухе, зеленке, марганцовке. У кого, что было. А крещение связывали исключительно с морозами в конце января.

Как-то раз, рассказывая маме очередные новости, Ваня услышал позади себя чьи-то вздохи и обернулся.

- Здравствуй, Ваньша, - поздоровался Демид, деревенский конюх.

- И тебе не болеть, - отозвался Ваня. - Чего надо?

- А ты это, - Демид явно робел. - С моим отцом можешь поговорить? - Отец Демида умер с полгода назад. Может Савелий был и отцом Ивана. Кто теперь мог сказать.

- А сам что же?

- Да не умею я.

- Ладно, пойдем. - Ваня поднялся со своей скамеечки, не сказать, что с радостью, - показывая, где его могила.

- Вот тут она, туточки, - Демид, здоровенный детина, сильно хромающий на правую ногу, торопясь заковылял между заросших холмиков, явно чувствуя неловкость, - ты уж прости меня, Толмач.

- Толмач? - Удивленно спросил Ваня.

- А как еще. Ты же с мертвыми говоришь, Толмач и есть. Простому человеку такое не под силу... Вот и могилка папашина, будь он не ладен.

- Ты что ж так о нем? Нельзя о мертвых плохо, - попробовал усовестить Демида Иван.

- Кака тут совесть! - Демид еще больше помрачнел. - Деньги спрятал, так и умер... Спроси ты у него, Ваньша, вдруг скажет, куда схоронил!

- Ты чего, Демид?! - Удивился Иван, - Я же только маме рассказываю, как живу, и все. И не знаю, слышит ли она!

- Слышит, как не слышит. Не сомневайся. Вот и моего батю спроси. Ты только спроси, ладно...

- Попробую конечно, только не мешай...

- Что ты, что ты! - Зашептал Демид, - Я отойду и вот тут в сторонке посижу.

Иван постоял у заросшего за лето холмика, не знал, как спросить. Никогда не спрашивал у мамы ни о чем, да и у пастуха Федора. В раздумьях поправил покосившийся крест. И тут птичка села рядом на рябину, поклевать уже подмороженных красных ягод. Клевала и клевала, а потом капнула прямо на могилу отца Демида. А Ваню как по голове чем-то стукнуло.

- Что ж ты Савелий так с родными своими, а? - Иван даже не спрашивал, а укорял, вдруг узнал, где тот спрятал деньги.

Савелий конечно не ответил, да и не мог, а птичка вспорх-

нула и улетела.

- Демид, - негромко позвал Иван.

- Тут я, - отозвался конюх и прихромал к могилке отца.

- Крест-то упадет скоро, смотри, - Иван покачал шаткую конструкцию за перекладину.

- Поправлю, поправлю, - Демид тут же воткнул крестик поглубже в еще мягкий холмик. - Пока вот так.

- И холмик провалился. Отец что, не любил тебя?

- Как сказать, - замялся конюх, - да, ты сам знаешь, каким он был.

- Знаю, тут вот какое дело...

- Говори, говори, - Демид в нетерпении топтался на месте, понял, что Толмач еще чего-то ждет, на всякий случай добавил, - и могилку поправлю, ты не думай... Сказал что... папаша мой?

- В нужнике деньги твои... - Иван ответил неуверенно, не знал доподлинно, так ли это.

- В нужнике? - Сначала удивился Демид, а потом хлопнул себя по лбу, - Ах дурак, я дурак! Конечно там! - Тут же побежал в деревню, отчаянно хромая, и крикнул не оглядываясь, - Спасибо, Ваньша!

С того дня жизнь Ивана изменилась. За ним закрепилось прозвище Толмач. И к нему пошли другие жители Полозово со своими непростыми просьбами. Демид действительно нашел в нужнике деньги, припрятанные отцом, даже хотел поделиться с Толмачом. Только Иван отказался, знал, отку-

да-то знал - нельзя так делать и людям надо помогать бескорыстно.

Получалось, что существование ныне живущих каким-то образом зависело от уже умерших.

- Плохо, плохо мы с ним жили... Виновата я перед ним!
- Донимала Ивана бабка Евдокия. - Ты уж попроси у него прощения за меня, Ваньша! Без Толмача никак мне не справиться.

И Ваня соглашался, шел на кладбище и рассказывал мужу Евдокии, как она горюет без него, винит себя и просит прощения. Одного не понимал Толмач, почему люди сами не могли разговаривать со своими умершими родственниками. Попросить прощения всегда можно, и для этого совсем не обязательно идти на кладбище. Достаточно фотографии ушедшего дома.

Как бы ни было, но Ивану все равно перепало от страждущих его помощи. Жители деревни не спрашивали, знали, Толмач не возьмет, и просто подкладывали ему под дверь кто что мог. А что могли, как могли отблагодарить жители деревни, - поделиться картошкой, молоком, яйцами, тем чего и самим порой не хватало.

Так прошло несколько лет. К Ивану уже шли не только с просьбами об умерших родственниках, но и обращались при недугах. Толмач и в этом не мог отказать, хотя лечить не умел. Он жалел людей, брал за руку, смотрел в глаза, говорил и говорил, желая им здоровья. Оказывается и простые доб-

рые слова помогали отчаявшемуся человеку. Заговор, так называлось это лечение. И для заговора совсем не надо было знать что-то мудреное.

Домик матери, в котором жил Иван, пришел в негодность. Следует отметить, что Толмач плохо вел домашнее хозяйство, и делать по дому мало что умел. Одно время к нему приладилась Настя, пыталась помогать, но через год или полтора ушла. Когда у молодой женщины спрашивали что, да как, та отмахивалась и ничего не говорила. А у домика матери Толмача скоро провалилась крыша. Ладно его самого тогда не было, да и лето только пришло. Можно было до зимы что-то сделать, найти другое жилье. В Полозово пустые дома имелись.

Только Иван собрал свои скромные пожитки и переселился в часовенку, стоящую у самого кладбища. Демид собрал деревенских мужиков, посудачили они, пришли к Ивану и без всякого разрешения и согласия Толмача отремонтировали часовню. Утеплили потолок, сложили печь и принесли кое-какую мебель. Иван не возражал, сидел в сторонке и молча смотрел, как для него обустраивают новое жилище.

Как бы ни говорили, кладбище тянуло Ваню еще с детства. Люди утомляли его, а тишина и покой на погосте притягивали. Иван теперь приходил ночью на могилку к матери и мог просидеть до утра, вдыхая чистый и освежающий воздух: «Здесь нет никого, и боятся нечего, и некого.»

2 Глава. Убийство в таежной деревне.

Начальник милиции Юзвы, полковник Юзбашян Самвел Арамович, был фронтовиком, человеком конкретным и решительным. После победы из вооруженных сил был направлен в органы внутренних дел, где продолжил решительную борьбу, только не с фашистами, а с преступностью.

С военной формой он расстаться не мог - наглухо застегнутый китель с солидной наградной планкой, галифе и начищенные до зеркального блеска сапоги, вот его отличительная особенность. Самвел Арамович хромал, сказывалось неудачное приземление с парашютом в тыл врага в составе диверсионной группы - сам же ударил себя по колену прикладом ППШ.

Юзбашян был женат на русской женщине, можно сказать обрусел, живя на Урале, и не обижался, когда к нему обращались как к Семену Абрамычу. Надо отметить, такая практика сохраняется и в нынешнее время. Скороговоркой выговорить имя на другом языке далеко непросто.

Разбирая почту, Самвел Арамович наткнулся на письмо из областного УВД, прочитал и усмехнулся. Непонятно, что это была за усмешка - веселая или горькая.

- Семен Ильич, зайти пожалуйста! - Крикнул Юзбашян

через открытые двери в приемную своего заместителя, майора Строгого. Тот сидел в своем кабинете напротив.

- Случилось что?! - Спросил зам, входя к начальнику, заодно прихватив несколько рапортов от сотрудников.

- Они что, думают нам тут заняться нечем?! - Юзбашян был явно раздражен, протянул Строгому письмо из областного УВД и закурил.

- Да уж, - Строгий прочитал короткое письмо и заметил. - Они ссылаются на ГБ, старший брат интерес к этому человеку проявил.

- С чего бы это вдруг?

- Ну вот, думаю из их запроса переписали - кличка Толмач, разговаривает с мертвыми, занимается знахарством. Что тут еще? Не работает, живет на кладбище, асоциальный элемент. Это в их духе.

- У них свое отделение в округе есть. Могли бы работника послать, проверить, если есть подозрения.

- Так они установить его не могут. Населенный пункт не указан.

- Ну да. Ты прав. А мы этого Толмача знаем?

- Конечно знаем. Безобидный мужик, Иван Бурматов, живет в Полозово. И не правы они, пастухом он работает. А то что около кладбища живет, так не воспрещается. Он и за могилками присматривает. Людям помогает. Да у него и фамилия подходящая - Бурматов, с коми-пермяцкого - добрый человек.

- А вот тут они еще про знахарство пишут...
- Да в деревнях через одного знахарь. Заварил травку какую-нибудь, вот тебе и знахарь.
- Травку?
- Не коноплю конечно.
- А что за кличка у него, Толмач?
- Да любит парень на могилку к матери ходить, рассказывать ей, как деревня живет. Вот тебе и Толмач, переводчик значит. А народ к доброму слову тянется. Люди разные, кто и двух слов связать не может, одни междометия.
- Кто же на него настучал?
- А вот тут вопрос. Узнать бы надо. А то глядишь, и до беды какой недалеко.
- Думаешь, навредить парню хотят?
- Он особняком держится, вроде как блаженный...
- Недалекий что ли?
- И так можно сказать.
- Это участок Васева?
- Его, в отпуске он.
- Есть кого послать?
- Максимова можно.
- Он у нас милиционером оформлен?
- Старшина. А вообще парень старательный, лейтенанта бы ему присвоить.
- Он же школу милиции не закончил. Что там случилось?
- Да из-за девченки морду другому курсанту набил.

- Горяч?
- Так это и хорошо. Главное у парня руки чистые.
- Это точно... Только как ему офицерское звание присвоить? Результат нужен и не простой. Дело раскрыть, преступника задержать. Он самостоятельно уже работает?
- Васев его натаскивает.
- У Васева здоровье как?
- На пенсию просится. Он ведь тоже фронтовик, возраст уже.
- Вот давай Максимова и поставим на его место, а там посмотрим... Дорога до Полозово есть?
- Деревня на отшибе, переметает.
- Верхом доберётся, пусть собирается. Ну и по пути по другим деревням проедет. Как никак представитель власти.
- Само собой.
- Туда сколько ехать?
- Дней за пять доберется. С ночевками конечно. На этом разговор и закончился.

А назавтра, затемно, Максимов отправился в свой первый самостоятельный выезд. Путь предстоял долгий и трудный, морозило прилично, но Максимов тайги не боялся. Правда не особенно понимал, зачем ради запроса гбистов ехать: "И так можно ответить. Все про Толмача известно. Мужик безобидный, живет и живет, вреда от него никакого, а может людям и польза есть. Надо конечно узнать, кто на него зуб точит. Только это и так сделать можно, попутно как-нибудь,

с другим важным делом. Подстраховаться начальство решило. Ну что ж, им виднее."

Конь Максимову попался молодой, норовистый, был он к тому же черной масти, звали его Султан и все норовил сорваться вскачь, застоялся. Только Петр его сдерживал, силы лучше был поберечь. Да и с ночевками имелась некая неопределенность. Это по карте все было понятно, километры можно прикинуть, а как оно могло получиться в действительности, никто не знал. Случалось и в тайге у костра приходилось ночевать даже в лютые морозы.

Максимов проучился в Юзвенской школе восемь лет, в девятый класс не пошел, а сразу отправился работать в леспромхоз, деньги требовалось зарабатывать и семье помогать. Определили Петра сначала сучкорубом, до вальщика еще не дорос, получал конечно меньше, но это уже были настоящие деньги. Обращаться с топором парню учиться не пришлось, в деревне только если не рождались с топором в руках. Жили прямо в лесу, наскоро рубили козлодерки, так называли маленькие избушки з/к, которых жило много в тех таежных краях. Как-нибудь и об этом можно рассказать.

Был Максимов коренастым, крепким, занимался боксом и в случае чего мог за себя постоять. Кстати в деревенских драках участвовал не редко. Если говорили про него горяч, так это правда. А раз и бокс не помог, так получил ломом наотмашь по спине, что неделю отлеживаться пришлось. В леспромхозе Максимов проработал по жизненным меркам

недолго и понял, что для него это может стат неким тупиком, так ему казалось в отличии от других.

Парню хотелось большего, и судьба благоволила ему, попал по комсомольскому набору в Калининградскую школу милиции. Вот только закончить ее не смог, отчислили за драку. Не смог Петр сдержаться, понимал конечно, нельзя было так поступать, только в душе все равно считал себя правым. Все же Максимов успел в школе милиции освоить многое, и в Юзвенскую милицию его взяли с удовольствием. Такие ребята были нужны.

В Полозово старшина, как и планировал, приехал на пятый день, остановился у Демида, тот жил при конюшне, где и Султану место нашлось. Деревня это была особенная, здесь жило немало староверов, правда от остального мира особняком держаться уже не получалось. Тем более такая война отгремела. Надо сказать, воевали они хорошо, вот только вернулось их мало. С Демидом конечно вечером посидели, мужик тот был гостеприимным, угостил Максимова с устатку бражкой.

- Хороша! - Отметил Петр, ставя пустую кружку на стол,
- Забориста!

- А то! - Демид остался доволен, - На том и стоим! - А потом подумал и спросил. - Ты к нам по каким делам? Васев что не приехал?

- В отпуску, Васев. Да что-то со здоровьем у него в последнее время не важно...

- Он любил к нам заезжать, правда все больше летом. Мы ему грибов, ягод наготовим, так очень наш участковый довольный оставался. - Демид замялся. - Не то я?

- Ничего, - Максимов усмехнулся, - дело, как говорится, житейское.

- Вот и я так думаю, - Демид успокоился и добавил. - К Ваньше участковый ходил, Толмачу нашему. Говорил, тот ему хорошо помогает.

- У Васева ведь контузия сильная была, под минометный обстрел еще на фронте попал.

- Во, во! Говорил, как запоет Ваньша, так боль отпускает, обруч с головы пропадает.

- Запоет? - Удивился Максимов.

- Ну, мы про него так, как поет Ваньша наш. Голос у него мягкий, протяжный. Послушаешь и полегчает. Отболитша, отвалитша, так он в конце говорит... Да мы завтра к нему сходим, сам послушаешь. Он человека насквозь видит! - Демид замолчал, а потом все же спросил. - Так ты вместо Васева теперь будешь?

- Не знаю, говорю же, в отпуске участковый ваш. А там, как начальство решит.

- Ну ладно, ладно, - успокоился Демид и переспросил, разговор ушел в сторону. - А ты все ж к нам по каким делам? Или так, проведать? - Какое-то беспокойство в голосе конюха было.

- Проведать. Я ведь на этой службе человек новый. На-

чалство и послало по дальним деревням, чтоб посмотрел, как люди живут.

- А ты не из местных что ли?

- Из местных, юзьвенский я.

- Свой значит, нашенский.

- И так можно сказать. - Максимов еще конечно хотел поговорить, но только вторая кружка браги взяла свое, и глаза начали слипаться.

- Ну что, спать ложимся? - Спросил Демид.

- Пожалуй, - согласился старшина.

- Вот тут, на лавке у печки ложись. - Конюх подстелил какую-то дерюгу. - Так помягче будет.

Максимов разделся до исподнего, в избе натоплено было жарко, лег на лавку, подложив под голову свой вещмешок, и укрылся полушубком. От пола все равно тянуло холодком.

На следующий день встали поздно, перекусили и пошли к Толмачу. Появление нового человека в форме в деревне не осталось незамеченным. Люди здоровались и с интересом разглядывали Максимова, шушукались.

- А что-то тропинку к Толмачу замело, - удивился старшина. - К нему что, никто не ходит

- Сам не пойму, - отозвался Демид, с трудом идущий впереди. - И печка не топится. - Забеспокоился конюх, когда показалась часовенка.

Дверь с улицы в избушку оказалась прикрытой неплотно, в единственной комнатенке царил уличный холод. А на лав-

ке у давно остывшей печи лежал Ваньша Толмач, уже окочевший.

3 Глава. Раскрытие одного убийства и предотвращение второго.

Демид хотел сразу подбежать к Ваньше, лежащему на лавке, но Максимов остановил его, схватив за телогрейку, - Кто у вас тут за старшего?

- Клава Ившина.

- Зови, только тихо, шум не поднимай, понял?

- Понял.

- И не беги, спокойно иди.

Хромой Демид конечно старался идти спокойно, только плохо у него получалось, все срывался на бег, и получался у него шаг с каким-то прискоком.

- Ты чего, Демид? - Клавдия встретила запыхавшегося конюха во дворе, где колола дрова и сразу насторожилась. - Случилось что?

- Там это, там...

- Ну! - Клавдия так и стояла с колуном в правой руке.

- Ваньша того, помер кажись! И участковый наш новый у него, там, на кладбище.

- А Васев где? - Тут же спросила невпопад женщина.

- В отпуску сказал, новый это.

- Постой! - Клавдия с силой засадила колун в тюльку, - Так

я позавчера Толмача видела, по улице мимо меня прошел, как всегда прибабахнутый.

- Так позавчера было...

- Что было-то? - Встревожилась Клавдия.

- Так ты его видела... Два дня уж прошло.

- Ну пошли, раз такое дело. - Женщина надела варежки и решительно направилась в сторону кладбища. - Зовут-то как нового?

- Петя, Петр Максимов. - Демид еле поспевал за Клавдией.

Люди в деревне сразу поняли, случилось что-то. И пока Ившина, а за ней Демид шли по узкой тропке через поле к кладбищу, за ними быстро образовалась цепочка местных жителей.

А тем временем, после ухода Демида, Максимов с порога внимательно осмотрел комнату и сразу отметил, что на полу остались следы, причем двух человек, натащивших снег с улицы. Потом старшина подошел к лавке, на которой лежал Иван - Толмач, и обратил внимание на то, что мужик в телогрейке, причем она застегнута на все пуговицы, а ноги в валенках, и снега на них почти нет.

"Принесли его сюда с улицы и положили, не сам пришел. И руки - левая согнута, лежит на животе, пальцы сжаты в кулак, а правая свалилась и касается пола. - Максимов словно находился на занятии по осмотру места происшествия и уже начал составлять протокол, - Та-а-ак, а в кулаке что?! - Старшина попробовал разжать пальцы, но они уже окочене-

ли. - Клок волос! Успел вцепился кому-то в шевелюру. - Все же прядка подалась, и Максимов, отойдя к окну, разглядел ее. - А человек-то рыжий! - Старшина переложил папиросы в карман, а рыжие волосы спрятал в коробку. - Наверняка в деревне рыжих не так много."

Лицо Ивана побелело, левый глаз был закрыт, а веко правого приподнято, но зрачок закатился, и слепой взгляд смотрел в никуда. "Снег на лице растаял, но вода успела замерзнуть, обескровленная кожа побелела через тонкую корочку льда, - отметил Максимов и тут же предположил. - Значит он упал лицом в снег. А упал от чего? От удара? На лице повреждений нет, тело сейчас не осмотреть, размораживать в тепле надо. А тут что? - Старшина присел у головы, длинные волосы Толмача примерзли к лавке, - Так это кровь! Значит рана на затылке, сзади ударили."

Максимов осмотрел комнату, Толмач жил бедно, брать тут было нечего. Но шапки нигде не нашел. "Значит где-то на улице осталась. Что ж, где его шапка, там и ударили Ваньшу, так его еще в деревне звали." - Старшина вышел на крылечко, закурил и увидел, как из деревни через поле к часовне идет вереница жителей. "Деревня есть деревня, - усмехнулся Максимов, - ничего не утаишь. С одной стороны хорошо, а с другой не очень, в плане сыска конечно."

- Здравствуй, начальник. - Первой к старшине подошла Клавдия Ившина. - Что тут?

- Давай, я погода расскажу, ладно. - И Максимов тут же

тихо спросил, - Рыжие в деревне есть?

- Какие рыжие? - Удивилась Клавдия. - Ну, волосы у кого рыжие. - Старшина раскрыл пачку Казбека.

- Да вроде нет. - Инютина непонимающе пожала плечами.
- Да как нет, - Из-за плеча мощной Клавдии выглянул запыхавшийся Демид, он только сейчас подошел. - У Кольки Торопыги брательник на побывку приехал, такой волос у него и есть.

- Так это не наш.
- Тихо, - предупредил Максимов и кивнул на подходивших жителей. - Их здесь нет?

- Нет, - в голос ответили Клавдия и Демид, внимательно рассмотрев подошедших людей. - Да пьют они на радостях который день. - Добавила Ившина и спросила. - Брательник Кольки что ли Ваньшу нашего?

- Из них кто-то, - предположил Максимов. - Тело вдвоем сюда тащили.

- Людям-то сказать бы надо. - Предложила Клавдия.
- Скажем, - согласился старшина. - Так и все уж наверное знают? - Максимов строго посмотрел на Демида.

- Догадываются, деревня ведь, - заступилась Ившина.
- Вот что сделаем, - Максимов бросил окурок в снег. - Мне бы двух надежных мужиков, и взять этих гадов надо тут же, не утекли бы.

- Ну один-то вот, - Клавдия кивнула на Демида, - а второго не обещаю, сама пойду.

- В дом пока никого пускать не надо. - Предупредил Максимов.

- Васька, встань пока у дверей, - Ившина позвала из толпы мужика. - Никого не пускай!

- Понял. - Васька, дядька невысокий, коренастый, подошел к дверям и сел на низкую ступеньку. За поясом у него торчал топор. - Одолжи папироску, начальник. - Попросил Васька. - А-то у нас все махра, да махра.

- Держи, - Максимов протянул две папиросы.

Клавдия повела Максимова и Демида за собой, хорошо знала, где живет Торопыга.

- Ой беда, ой беда какая, - запричитали подошедшие бабки.

- Точно брательник Коляна, больше некому, - добавил из толпы мужской голос. Вот тебе и все следствие.

- Дома, дома они! - Неслось вслед.

- Не успела я Ваньшу попросить с мамой поговорить, - Причитала женщина.

- Когда отдашь-та его, начальник?! - Спросили еще о Ваньше. - По христиански похоронить надо.

- Как жить-то мы теперь будем? - Ни к кому не обращаясь добавила женщина, вытирая кончиком платка слезы.

Ну и так далее.

- Где их дом? - Спросил Максимов, уже у деревни.

- С той стороны, - кивнула Клавдия, указывая в сторону заснеженного проулка, где имелась только натопанная тро-

па. - По левой стороне третий дом. Демид, обойди огородами, зайди от леса, - Инютина командовала сама. - А ты, начальник, так и иди по тропке. А я с улицы, там тоже проход имеется.

- У них оружие есть? - Поинтересовался Максимов.

- Есть, топор, да вилы.

Старшина выждал немного, и пошел по тропе. Третий слева домишка был не ахти какой, покосился на левую сторону и врос в землю. Тесовая крыша наверняка протекала, только за хозяйством никто не следил. Коляну и так было хорошо. А вот у второго по левой стороне пустого дома с провалившейся крышей Максимов заметил утоптаный снег: "Похоже тут подрались! Вот и шапка Толмача. - Старшина поднял из снега выдавший виды треух. - Да и капли крови есть! Ну точно, здесь Ваньшу отоварили. А вот и дрын из забора, им наверное ударили.

К дому подошли почти одновременно с трех сторон. Из трубы в небо поднимался дым, день был безветренный.

- Дома значит, - прошептал Максимов, достал ТТ и передернул затвор.

Калитки, да и забора давно не было, наверное упали и оказались под снегом. Старшина положил пистолет в кобуру и спокойно пошел к дому, стоящему в глубине. Демид подал знак от леса. Клавдия наверняка была за домом. Дверь была прикрыта не плотно. Максимов открыл ее левой рукой, а правой снова достал оружие, решил подстраховаться. В хо-

лодных сенях было темно, свет проникал только через выруб в одном бревне. Вторая дверь оказалась тяжелее, была обита тряпьем для тепла и скрипнула. Максимов открыл ее резко и сразу полностью, держа пистолет наизготовку.

В комнате клубился дым, создавая сумрак, и только примерно в метре от пола оставалось свободное пространство. У дальней стены на подобии кровати лежал человек и храпел во сне, видимо задыхаясь. Максимов сплюнул, сунул пистолет обратно в кобуру и набрав воздуха в сенях бросился в комнату, стараясь не дышать. Осматриваться было некогда. Старшина схватил задыхающегося человека за ноги, стащил с топчана, его голова глухо стукнулась об пол, и потащил к выходу, глотая дым.

Тут уже подоспел Демид, тоже подхватил Коляна и помог вытащить его на снег. Клавдия выбежала из-за дома и начала делать пострадавшему искусственное дыхание, а Максимов растирал его лицо снегом. Наконец Колян очнулся, открыл глаза и крутил ими, не понимая, что происходит.

- Колян, Колян! - Конюх хлопал мужика по щекам, - это я, Демид.

- Демид?! - Удивился пострадавший, от него разило жутким перегаром. - А Борька где?

- Он в доме? - Спросил Максимов.

- Был, - ответил Колян, садясь и заглатывая снег.

- Не заметил, я сейчас, - Максимов обежал дом, разбил единственное окно, дым начал выходить из комнаты, потя-

нуло сквозняком, а потом опять зашел внутрь через дверь. Дыма поубавилось, стало светлее, но в комнате никого не было, вторые нары оказались пустыми. Когда старшина подошел к печке, то увидел, что заслонка в трубе прикрыта, а топка не так давно была загружена поленьями.

- Ушел! - Демид вернулся из переулка. - А я еще думал, чьи следы в лес уходят. - Братан твой ушел?!

Колян только тряс головой, все еще не мог прийти в себя после отравления дымом.

- Ты Толмача убил?! - Максимов поднял Коляна за шиворот и начал трясти так, что у того болталась голова.

- Ты кто, мент?! - Только и смог выдавить из себя Торопыга.

- Ты?! - Зловещим голосом повторил старшина.

- Не, что ты, Борька это. Я только нести помогал.

- Показывай, как было! - Максимов отпустил Коляна, и тот, потеряв равновесие, упал в снег.

- Пошли, - Торопыга с трудом поднялся и повел к переулку.

- Не убежит? - Забеспокоилась Клавдия.

- Куда ему бежать, - усмехнулся Демид, идет-то еле еле.

- Вот тут все было. - Колян остановился у места, где, как и предполагал Максимов, произошла драка. - К Машке за самогоном пошли. - Торопыга виновато посмотрел на Максимова. - Я говорю хватит, да и денег уже не было, неделю пили. А он, пошли, да пошли, в долг возьмем. Я ему, какой

долг, бабки сами не возьмутся. За телогрейку схватил. А он дрын из ограды выдрал и на меня как замахнется... И как тут Ваньша оказался, куда шел, идти-та тута некуда... Ну и по голове ему дрыном... Думали так, обойдется. А он как рухнул в снег, так и все... В сарай ко мне занесли, а ночью к нему домой утащили... Вроде как сам умер.

- Вы че, вообще ничего не соображали?! - Возмутилась Клавдия.

Колька только вздохнул и опустил голову.

- Показывай, где Толмач в сарае лежал, - скомандовал Максимов.

В сарае крови натекло много, даже образовалась теперь замерзшая лужа.

- А ведь он еще живой был, - предположил Демид.

- Наверное, от удара только сознание потерял, а умер уже от потери крови. - Заключил Максимов. - Куда братан мог податься?

- В Мыхол, баба там у него. Больше не куда.

- А трубу кто прикрыл? - Продолжил Максимов.

- Так это что... Братуха хотел меня того...

- Поймаем, тогда и расскажет сам. Клавдия, этого ухаря на тебя оставляю, а мы с Демидом за Рыжим. - Решил Максимов. - Демид, ты как, сможешь?

- А мне что, смогу конечно.

- Нога как?

- Нога нормально, это я больше притворяюсь. - Демид гля-

нул на Клавдию. - Племяш за меня на конюшне справится.
- Тогда седлай!
- Меня собой возьмите! - Закричал Колян. - Я этого гада сам хочу за глотку взять! - Но его крик остался без внимания.
- С Ваньшей что делать? - Спросила Инютина. - Хоро-
нить-то можно?
- Можно, конечно. - Согласился Максимов.
- Да, с детства говорили ему, не натаптывай дорожку на кладбище, - Клавдия тяжело и жалостливо вздохнула. - И вот оно как...

4 Глава. Розыск и задержание преступников в таежной деревне.

Из Полозово в Мыхол шла лесная дорога, по которой ездили. Конечно зимой из одной деревни до другой добраться было проще, подмораживало. Но дорога петляла, особенно первые километров пять от Полозово, и жители протоптали другую, лесом, напрямки. Правда проехать по ней верхом можно было только летом, а зимой по ней даже пешком пройти не рисковали. Был на этом спрямленном участке один лог, его переметало так, что можно было утонуть. Тем более по распадку под снегом протекал еще ручей, не замерзавший всю зиму.

Демид, захватив ружье, верхом на лошади поехал по основной дороге, Султана Максимова повел в поводу, на что конь даже воспротивился сначала, не хотел уходить от хозяина. Но старшина успокоил верного друга, как-то объяснив, что Демид будет ждать в том месте, где лесная тропа выходит на основной путь. По тропе надо было пройти обязательно, Борька Рыжий мог затаиться и в лесу.

Лесная тропа оказалась утоптана, лишь припорошена сверху. И Рыжий точно прошел здесь, его следы остались. "Кто же здесь дорожку натоптал? - Подумал Максимов. - Демид говорил, что деревенские зимой не спрямляют через

лес, снег глубокий, по дороге быстрее получается." Но ответа на этот вопрос пока не было, могло и не быть вовсе. Хорошо, что Борька шел по тропе, и свернуть не мог, по сторонам без лыж делать не чего.

Спуск в гиблый овраг начался постепенно, даже незаметно, а потом превратился в крутой обрыв, и здесь те, кто ходили, просто съезжали как с горки. Рыжий поступил также, видимо торопился, а Максимов осторожно прокрался к обрыву по целине и, спрятавшись за внушительную елку, стоящую на самом краю, осторожно заглянул вниз. Место у ручья тоже оказалось утоптаным, и мало того, имелся сруб, построенный недавно!

Старшина постоял несколько минут, прислушиваясь, но в лесу было тихо. Только ветер проносился над тайгой и шуршал кронами могучих елей. Но все равно Максимов не стал съезжать по накатанному спуску, а прошел дальше и придерживаясь за голые ветки чаплыжника спустился осторожно. Такие предосторожности могли показаться лишними, но были необходимыми. Лучше всегда подстраховаться.

У ручья нашлись следы пребывания Рыжего, причем явно вызывающие. Этот человек, хотя так называть его не хочется, облегчился прямо у сруба, у родника, вдобавок надругался над иконой Николая Чудотворца - выжег глаза Святому окурком самокрутки, который валялся тут же! Максимов с трудом овладел собой, подобрал окурок и убрал его в коробку от Казбека, где уже имелась прядь волос Рыжего. А

потом обломил веточку и потрогал кучку, оставленную беглецом. Она основательно застыла. "Значит преступник прошёл здесь достаточно давно, скорее всего рано утром. - Подумал старшина. - Испоганил гад такое место! Скорее всего Ваньша и ходил сюда, он тропинку натоптал."

Дальше тропинки не было. Видимо из деревни ходили только до ручья. А Рыжий ломанулся прямо по целине вдоль оврага, где местами намело по пояс. Видно было с каким остервенений этот нечеловек продирался через кустарник, которым зарос овраг. Ручей вдоль оврага далеко не тек, видимо как показался, так и скрылся в каком-то месте опять под землю. Максимов полез вслед за Рыжим, ему конечно было проще, но не на много. На основную дорогу старшина выбрался, когда начало темнеть, зимние дни на Урале коротки. Первым хозяина почуял Султан, заволновался, тряся головой, задвигал ноздрями и негромка заржал, понимал, в лесу шуметь нельзя.

Демид выехал из леса на дорогу заснеженным, заиндевелым с ружьем наперевес и спросил Максимова, - Что там?

- Изгадил источник! - Возмутился старшина. - А ты мне не говорил, что у вас в овраге сруб на роднике стоит.

- Так это, - Демид замылся. - Зачем говорить. Кто знает, как ты к этому отнесешься!

- А что, такого. Родник, как родник, сруб. Вода наверное хорошая.

- Пробовал?

- Ты чего! - Возмутился Максимов. - Я же говорю, загадил Рыжий родник. Там сначала чистить надо.

- Ваньша сюда бабок наших водил, все больше солдаток...

- Молились что ли?

- Не знаю, не говорили они. Тайна у них какая-то.

- Так Толмач в тот вечер на родник и шел? - Спросил Максимов.

- А куда больше... Клавдия тоже там бывала... Ты уж, начальник, того, не трогай баб наших.

- Разберемся, - Старшина взял у Демиды повод Султана, потрепал заждавшегося коню гриву и вскочил в седло. - Рыжий куда дальше ушел?

- В Мыхол, вон его след. - Демид показал на цепочку следов по правой обочине. - Может заночуем?

- Некогда, - обрезал Максимов. - Вдруг от бабы подастся.

- Да там дальше дороги нет, - попробовал возразить Демид. - Да и зачем ему от бабы своей бежать?

- Поехали, трогай. - Максимов натянул поводья, и застоявшийся Султан с места пошел рысью. Демиду ничего не оставалось, как последовать за старшиной. - Сколько до Мыхола?

- Километров пятьдесят, а то и больше. Кто же мерил?

- До утра доедем?

- Доехать-то доедем, только и коням роздых надо.

- Не бойсь, отдохнем. - Разговор проходил на ходу. - А кто из ваших мог жалобу на Толмача написать?

- Какую жалобу?! - Удивился Демид.

- Самую обыкновенную, мол Ваньша ваш на кладбище живет, бабы к нему ходят, он с мертвыми разговаривает, народ с толку сбивает, ну и так далее...

- Ну чтоб написать-то, вряд ли кто. Тут народ простой, да чтоб так складно, как говоришь... - Демид задумался.

- Что замолчал?

- Да думаю... Нет, нет у нас такого. А вот ботало какой-нибудь мог найтись, да еще по пьянке.

Ночью ехали медленно, шагом, останавливались раза два, да и вели лошадей в поводу.

- Дымком потянуло, - первым заметил Максимов признаки деревни.

- Близо уже, - согласился Демид.

- А где баба его живет, знаешь?

- Да как не знать... - Демид снова замялся.

- Опять что-то не так?

- Как тебе сказать, начальник...

- Как есть, так и говори.

- Придется. - Вздохнул Демид. - Все ж таки человек убит.

- А так бы не сказал?

- Васев помягче был, допускал... В общем Анка эта по самогону главная у нас.

- Анка самогощица? - Усмехнулся Максимов.

- Ну да, не пулемётчица.

- И у вас в Полозово Машка еще есть?

- Есть. Как же без самогона в деревне прожить.

Максимов ничего не ответил. Был он тогда еще молодой, не опытный и не предполагал, что через несколько лет такой разговор у него опять состоится.

- Вот Анькин дом, - Демид кивнул на крайний заснеженный домик, когда всадники подъехали к деревне.

- Печка топится, - заметил Максимов

- Топится-то топится, - Демид потянул носом воздух и сглотнул слюну.

- Да, первачом тянет, - согласился Максимов.- Давай-ка, лошадей здесь привяжем и посмотрим, кто там. Нам главное Рыжего захомутать. Собаки у ней нет?

- Не знаю, - Демид пожал плечами. - Я ведь здесь редко бываю, не как некоторые.

К дому, в котором подслеповато светились два оконца, вела узкая тропинка, а двор оказался расчищенным от снега. Собаки не было.

- Постой здесь, - Максимов шепнул Демиду, указывая на дверь в дом. - А я посмотрю, что в бане. - Баня стояла поодаль, и к ней тоже вела расчищенная дорожка.

Демид снял ружье и клацнул курками, так, на всякий случай. Старшина же быстро пробежал к бане, ТТ доставать не стал, посчитал ни к чему, так справится, зашел в холодную сараюшку и чуть не засмеялся. Из-за двери в баню доносился храп, можно сказать богатырский. Только спал там никакой не богатырь. Максимов открыл дверь и увидел на полке крепко спящего человека.

Дышать в натопленной бане было нечем и вовсе не от жары, а от перегара. "Дорвался, - усмехнулся Максимов. - И зачем такой мужик бабе нужен. Все равно от него толку никакого." В бане было еще темно, через маленькое оконце внутрь проникал слабый свет пасмурного утра. Рыжий в одной нательной рубашке лежал на спине, головой к окну. Левая рука, сжатая в кулак, покоилась на груди, а правая свешивалась вниз. "Также, как у Ваньши," - с горечью подумал Максимов, выдернул из своих брюк ремень и хитрой петлей быстро стянул запястья Рыжего.

- А, чего?! - Борька хотел вскочить с полка, но со всего маху трахнулся головой о низкий потолок, да так, что упал на пол.

- Вставай, хватит спать! - Гаркнул Максимов. - Ты Ваньку убил?!

- Я, - ответил Рыжий, не вполне понимая, что происходит, и только увидев милиционера в форменном полушубке, добавил. - Случайно я, начальник, случайно, не хотел я его кончать. - В голосе Борьки сквозил страх.

- Сколько ходок?

- Три.

- Вышак тебе ломится, паря. Выходи на улицу!

- Штаны хот дай, начальник.

- А они есть у тебя, штаны-то? Или у родника оставил?

Рыжий понуро встал и вышел из бани так, в чем был, в одной грязной нательной рубашке. В бане его одежды не ока-

залось, только у порога стояли старые обрезанные валенки, в них Борька и сунул ноги. А то бы так и пришлось идти босым по снегу.

- Анька, стерва, одежду забрала, - процедил сквозь зубы Рыжий.

- Чтоб не убежал что ли?

- А пойми их, баб...

- Демид! - Окрикнул старшина товарища, - стучи в дом, пусть открывает, а то этот голодранец околеет.

- Анька, открывай! - Демид забарабанил кулаком в закрытую изнутри дверь.

Только в доме вдруг загрохотало, послышался звон разбитого стекла и истошный женский крик. Максимов бросился за дом и увидел, как по улице бежит та самая Анька, одетая как попало, на женщине была только рубаха, правда на ногах валенки.

- Стой, стрелять буду! - Закричал Максимов, рука потянулась к кобуре.

Но доставать пистолет не потребовалось. По улице шла женщина с коромыслом и пустыми ведрами. Она бросила коромысло под ноги Аньке, и та со всего маху улетела головой в сугроб. Вверх торчали только ноги в валенках и голая задница.

- Добегалась, зараза ты эдакая! - Зло проговорила селянка. - Увези ее, увези ее в тюрьму, начальник! Ваську моего сгубила, и сорока лет не прожил, бедолага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.